

Пролог

Говорят — причем *кто именно*, совершенно непонятно, — что любой рассказ должен начинаться с самого начала. Я в этом не уверен. Быть может, лучше начать рассказ здесь и сейчас. Что мы и сделаем.

* * *

Позвольте представиться: меня зовут Дон ДиМарко. Я живу в доме под номером 55 на авеню Саммерфильд, что протянулась на задворках Пилгрим-Хилл. Это небольшой жилой квартал, расположенный совсем рядом с огромным полем бело-желтых маргариток. Он и стал тем самым местом, где я наслаждаюсь покоем после выхода на пенсию, чего некогда боялся до дрожи в коленках.

По утрам, хотя я клятвенно обещал себе больше никогда не заводить собаку, мы с Фоксхаундом — названным в честь пса, в компании с которым прошло мое детство, — отправляемся на ежедневную прогулку, чтобы взглянуть на мир и полюбоваться окрестностями. Меня до сих пор не покидает ощущение, что я обитаю в одном из оживших полотен Томаса Кинкейда.

По обеим сторонам улицы выстроились дома: и в колониальном стиле, и под щипцовой крышей, полтораэтажные, и в стиле ранчо. Глядя на них, можно безошибочно угадать характер их владельцев. Подъездные дорожки, выложенные плиткой «в елочку», охраняют статуи осклизшихся львов или смеющихся херувимов. Выцветшую кедровую драпку оживляют рубиновые или ярко-зеленые жалюзи. Над каждым окном нависают полосатые навесы, а в ящиках под ними красуются разноцветные петунии. В глубине открытых крылец с креслами-качалками притаились гостеприимные и манящие входные двери,

украшенные цветочными венками, которые безупречно гармонируют с растениями в подвесных горшках, буквально источающими тепло и сердечность. Красный кирпич и черное кованое железо оттеняют сверкание стекла и богатство красного дерева. А с обратной стороны выложенные плиткой внутренние дворики приютили коренастые и крепкие скамейки для пикника и покачивающиеся подвесные гамаки.

Большинство этих двориков выглядят безукоризненно ухоженными. Рододендроны и азалии рассыпают брызги цвета, а яблони и вишни покачивают розово-белым оперением своих кривых веток.

И если Фоксхаунд изо всех сил натягивает поводок, то я предпочитаю неспешный шаг. Удивления достойно, какие подробности и детали можно разглядеть, если только остановиться и присмотреться повнимательнее.

Вот в гармонию распевшихся птиц вплетает свой неокрепший голосок птенец голубя, притаившийся где-то на оплетенной мхом каменной ограде. Я люблю приостановиться на несколько мгновений, чтобы ощутить ласковое дуновение легкого ветерка и тепло солнечных ладошек, которые гладят мое лицо. А вот откуда-то ударяет ошеломляющий запах свежескошенной травы, и я вдыхаю его полной грудью.

Мы идем дальше, и красные клены и гигантские сикоморы сменяются белыми березами и могучими дубами. Скользя взглядом по их ветвям до макушки, вы упираетесь в белые облака из воздушного риса, неторопливо странствующие по невероятной и неопишуемой голубизне небес.

Хотя нам с Фоксхаундом нравится гулять в одиночестве, я всегда готов с радостью ответить на теплую улыбку или дружеское приветствие. Иногда нам везет и мы встречаем Сару, толкающую перед собой старинную открытую коляску, в которой лежит ее новорожденный малыш. Но бывает и так, что удача поворачивается к нам

спиной, и тогда мы сталкиваемся с еще одним собачником и его четвероногим приятелем. Хотя я и старался привить Фоксхаунду хорошие манеры, он все-таки страдает синдромом единственного ребенка в семье.

Словом, я не покривлю душой, если скажу, что авеню Саммерфильд стала для меня настоящим прибежищем. Здесь я отдыхаю душой. Если же учесть, что наконец-то я сподобился безукоризненно подстричь лужайку, то и жаловаться мне вроде как не на что, верно?

* * *

Сдается мне, я уже упоминал, что на пенсию вышел рано — в возрасте пятидесяти семи лет, — и это оставляет массу времени на то, чтобы провести его с теми, кого я люблю, и мысленно оглянуться на пройденный путь. На первом месте для меня, естественно, семья.

Изабелла — моя красавица Белла — стала для меня верной спутницей и женой. А еще она великолепно готовит, и, насколько я могу судить, ей всегда нравилось играть роль домохозяйки, пока я подстригал траву или менял масло в машине. Все эти годы она редко настаивала на чем-нибудь, но одного требовала беспрекословно: наша семья непременно должна собираться за совместным ужином по вечерам. Мы с Беллой столько лет прожили вместе, что стали практически неразлучны. Она, конечно, смеется, когда я говорю такое, но я действительно полагаю, что мы с ней — две половинки, которые и образуют единое целое. Строгая, но сострадательная душа, Белла почти четыре десятилетия проработала с умственно отсталыми детьми. Мы из тех католиков, что ходят в церковь только по большим праздникам, но на протяжении долгих лет она ухаживала за больной матерью — несла свой крест, если можно так сказать, — и потому ей пришлось очень нелегко, когда старушка наконец отошла в мир иной. Белла просто не может сидеть без дела. Она постоянно занята уборкой. А еще я понял, что моя жена никогда

не ошибается — что, пожалуй, можно назвать ее единственным недостатком.

В свои тридцать шесть наш единственный ребенок, Райли, по-прежнему остается папиной дочкой. В то утро, когда Господь благословил нас ее появлением, как сейчас помню, я еще подумал: «На лице собственной дочери я увидел улыбку своей бабушки». Унаследовав от меня каштановые волосы, а от матери карие глаза, она выросла настоящей красавицей, не растеряв при этом доброты и отзывчивости — что куда важнее в жизни, если хотите знать мое мнение. Под аплодисменты раскатов грома и проливного дождя Райли пришла в этот мир с твердым намерением не причинять никому ни малейших неприятностей. Я уловил в ней родственную душу, и мы ментально поладили. Полагаю, воспитание ее вполне можно назвать самым обычным. Девчонка-сорванец поначалу, она начала обращать внимание на мальчиков, несколько раз влюблялась и поступила в колледж, где и решила пойти по стопам матери, став адвокатом по делам детей-инвалидов. С годами она превратилась в талантливую игрока в софтбол — что я считаю трогательным проявлением заботы и внимания с ее стороны, поскольку сына у меня нет, — и завзятую любительницу езды на велосипеде; эту страсть она сохранила и в зрелом возрасте. Разделили мы с Райли и неизменную любовь к «Бостон Ред Сокс». Конечно, и у нее случился переходный возраст, когда она бунтовала против всего на свете, к чему я постарался отнестись с пониманием (насколько это было в человеческих силах). С учетом татуировки на спине, продетого в пупок кольца и нескольких вечеров, когда она выпила слишком много и вынуждена была обратиться ко мне с просьбой отвезти ее домой (тогда я предпочел не поднимать шума, рассудив, что пусть уж лучше она звонит мне, чем садится пьяной за руль), можете мне поверить, когда я говорю, что и у нас с ней был свой звездный час.

Я полагал себя счастливым, раз уж мне повезло полюбить в жизни целых два раза, — но так было лишь до тех пор, пока у меня не появились внуки.

Перебрав нескольких потенциальных ухажеров, Райли в конце концов остановилась на Майкле. Даже если бы я специально вознамерился невзлюбить его, как некоторых прочих, у меня бы ничего не получилось. Он выказывал уважение мне и Белле, но, что гораздо важнее, обожал Райли и дорожил ею. Вскоре наша дочь превратилась в Райли ДиМарко-Резонину, и ее новая фамилия стала для меня предметом бесконечных шуток. «Как-как, не расслышал? Нельзя ли повторить помедленнее?» — на полном серьезе интересовался я, но она всегда относилась к моим подначкам с добродушным юмором. Райли с Майклом выждали некоторое время, но потом все-таки подарили нам с Беллой прелестных внуков. Первой на свет появилась Мэдисон Руфь, которую назвали в честь матери Майкла. А затем настал черед Майкла Дональда¹, и тут уж я был польщен так, что невозможно выразить словами. Словом, после появления детворы мне больше нечего было желать. Внуки — замечательное воздаяние и награда за вашу жизнь, какой бы она ни была.

Мисс Мэдисон дала нам прикурить с самого начала. Дырка между передними зубами делает ее улыбку заразительной, особенно учитывая наличие губок бантиком, носа картошкой и бабушкиных глаз. Определение «упрямая» и близко не может описать этого ребенка. Разумеется, в цветастых платьишках с бантами она похожа на сущего ангелочка, но на деле — такой же сорванец, как и ее мать. А ее отношения с младшим братишкой строятся на тех же принципах, по которым развивалась нелегкая любовь между мной и моим старшим братом Джозефом, когда мы были еще маленькими.

¹ Дон — имя главного героя, сокращение от «Дональд», т. е. внука назвали в его честь. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

— Эта малышка себя в обиду никому не даст, — не устаю хвастаться я.

Майкл Дональд, означенный внук, оказался самым пухленьким мальчуганом, которого я когда-либо видел. Прозвище Пончик приклеилось к нему намертво. И с тех пор по-другому я его и не называл. От отца он унаследовал очаровательную улыбку с ямочками на щечках, но в действительности представляет собой гремучую смесь маменькиного сынка и сорвиголовы, о котором может только мечтать любой папаша. Еще до того, как научиться ходить, этот непоседливый маленький разбойник уже всюду швырял бейсбольные мячи и демонстрировал приемы вольной борьбы.

Мэдисон и Пончик, в свою очередь, прозвали меня «дэда», и я по сей день благодарен их отцу за то, что он позволил мне разделить с ними их любовь и обожание. Будь это возможно, я бы избаловал их еще сильнее, чем Райли. И скажу вам по секрету, я ничуть не жалею об этом, как и не чувствую себя виноватым.

Прошу прощения за подобную болтовню — расчувствовался, знаете ли. Хотя я всегда яростно отрицал такую возможность, очевидно, я все-таки превратился в типичного дедушку.

Так о чем мы говорили? Ах да, о преимуществах и маленьких радостях раннего выхода на пенсию. Хотя я до сих пор работаю, точнее подрабатываю. После стольких лет, проведенных в деревообрабатывающем цеху, теперь я волонтер в детской больнице, помогаю перевозить малышей. И знаете, мне это нравится. Нет, правда. Никакой тебе спешки, всего пару часов в день в свое удовольствие, когда нет необходимости рвать жилы, потому что о деньгах я уже давно узнал все, что нужно. С моей точки зрения, если вы не придаете чему-либо чрезмерного значения, то и оно перестает казаться столь важным, как когда-то. Можете мне поверить, это дает такую свободу, какая вам и не снилась.

Вечером, перед тем как лечь спать, я люблю посидеть на веранде в деревянном кресле-лежаке, когда у ног устраивается моя дворняжка, от которой так по-домашнему уютно пахнет псиной. Молитва, медитация — как это ни назови! — но теперь мне нравится размышлять о нематериальной стороне бытия. Поначалу прикосновение к собственной душе вызывало странные ощущения, но чем дольше я замирал в неподвижности — не думая ни о чем, ничего не делая, а просто *существуя*, — тем большее единение ощущал с самим собой, с тем, кто я есть на самом деле. И это время, проведенное в одиночестве на веранде, когда на землю только-только опускаются серебряные сумерки, отчего-то стало казаться мне похожим на долгожданное воссоединение со своим подлинным «я», обретенным после долгих скитаний.

Подобно какому-нибудь незавершенному шедевру, над которым продолжает работу неведомый художник, по вечерам свет преломляется в самые невероятные цвета. Им нет названия в человеческом языке, а описать их у меня не хватает слов. Темно-синий индиго проливается на черный бархат; то, что днем выглядело самым обычным, обретает ореол таинственности и загадочности. Подобно заснеженной горной гряде, над головой у меня плывут пушистые облака. Темный силуэт дерева на фоне серо-стального неба рождает ощущение полного одиночества, и я рад присутствию света. А потом словно кто-то на небесах задергивает гигантский занавес и свет признает свое окончательное поражение. Но, столь же радостный и светлый, как мечты или сны ребенка, он обещает вернуться. Мир смыкается вокруг меня, давая возможность перезарядить батарейки. В крошечной темноте глаз улавливает лишь обрывки движения, а вот звуки и запахи становятся куда отчетливее. Воздух отдает сыростью и прохладой, и откуда-то издалека долетает запах дыма и горящих в камине дров. Чья-то щедрая рука разбрасывает по небосводу мерцающие брызги света, и я всматриваюсь в них до

тех пор, пока не обретаю способность проникнуть взором в самую глубину мироздания. Я отчетливо различаю звуки окружающей природы, хотя они едва слышны: крик козодоя, шебуршание скунса, вышедшего на поиски угощения для позднего ужина, трепет крыльев мотылька, бьющегося об стекло. На фоне тусклого серпа луны облака кажутся ключьями дыма от вселенского костра. Подобно крошечным феям, светлячки то появляются, то исчезают вновь, пока ночная прохлада не вынуждает их искать спасения в каком-нибудь трухлявом пне. И вскоре каждая вещь под луной занимает отведенное ей место.

И хотя мне приходится смотреть на мир невинными глазами ребенка, чтобы увидеть его, одна и та же картина повторяется почти каждую ночь. Но если нам с Фоксхаундом везет по-настоящему, то со своей веранды мы с ним имеем возможность любоваться грозой. Эхо раскатов грома и вспышки молний напоминают мне о том, что Господь никогда не спит. «Ангелы играют в шары», — говорила в таких случаях мать. А вот дедушка предпочитал при первой же возможности акцентировать внимание на таком чувстве, как страх. «Это Господь сердится на нас!» — клятвенно уверял он. Тем не менее страхи эти были совершенно детскими, я никогда не пугался по-настоящему, и, соответственно, преодолевать их мне не приходилось. Словно комара к электромухобойке, эти опасные грозы влекли меня к себе. На ум приходит лишь одно уместное сравнение: это как оказаться внутри машины на мойке, когда процесс сопровождается роскошным светозвуковым представлением.

Впрочем, грозовая она или ясная, любая ночь как нельзя лучше подходит для размышлений о прихотливых путях судьбы, о чем я уже говорил. Долгими часами я готов сидеть на веранде, странствуя по дороге воспоминаний. Никогда не знаешь, какие вещи могут прийти на ум; но если вы достаточно умны, то сможете поделиться ими со своими внуками.